

Источники и литература

1. Гигин. Мифы. / Пер. с лат. Торшилова Д. О. – Санкт-Петербург: изд-во Алетейя, 2000.
2. Зелинский Ф. Ф. Плавт и Шекспир // Из жизни людей – Т. 4: Возрожденцы. – Петербург: изд-во АCADEMIA, 1922.
3. Косидовский З. Библейские сказания. – М.: издательство политической литературы, 1987.
4. Плавт Т. М. Комедии Т. 1 / Комментарий Ульяновой И. – М.: изд-во Искусств, 1987.
5. Плавт Т. М. Комедии в 3 т. Т. 3 / Пер. с лат. Артюшкова А. – М.: изд-во ТЕРРА, 1997.
6. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. – М.: изд-во АСТ, 1998.
7. <http://deja-vu4.narod.ru>
8. <http://manuscript.ht.ru>
9. <http://www.edic.ru>
10. <http://www.apress.ru>

Волков А.Г. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ И СВОБОДА СЛОВА

Одной из определяющих предпосылок позитивного использования политического текста в социальных преобразованиях является свобода слова, которую мы трактуем как коммуникативную свободу, включающую в себя свободу экспликации, возможности беспрепятственного участия в социальном управлении и консолидации с помощью использования средств массовой информации. Наличие свободы слова свидетельствует о том, что общество заинтересовано в наличии противоположных мнений, и, напротив, нарушение свободы слова связано с нивелированием роли индивидуального мнения по отношению к официальному.

Исследование границ коммуникации связано с решением проблемы свободы как социального явления. Наиболее полно она изучена в зарубежной, особенно в американской философии в работах А. Смита, К. Бекера, Дж.З. Тафста, У.Г. Самнера, Г.Д. Торо, Д. Лилиентала, В. Бэрри, Дж.Г. Мида, Ф. Херча, Г. Гувера, Дж. Дью, Р. Нибура и проч. [3, 124]. В качестве наиболее общего признака свободы выделяется возможность самораскрытия индивида в условиях социального взаимодействия. Свобода слова в этом случае понимается как отсутствие ограничений для выражения намерений и обмена информацией.

Соответственно основным проявлений коммуникативной функции языка выделим своеобразие использования политического текста в экспликации, социальном регулировании и социальной консолидации. При экспликативной [4, с. 65] трактовке свободу слова следует рассматривать как возможность использовать разнообразные политические тексты в целях выражении социальных намерений, следовательно, высказывать любую оценку происходящих социальных событий и действий как официальных, так и гражданских лиц, а также критики самых различных их трактовок.

Экспликативное проявление свободы слова предполагает регулятивное, поскольку свобода выражения своих намерений еще не является достаточной для социальной самореализации. Необходимо, чтобы свобода выражения была дополнена действенностью эксплицируемых намерений. Свобода слова в этом смысле – это возможность участия индивида в социальных изменениях в обществе посредством использования политического текста.

С помощью политического текста можно регулировать пространство социальных действий индивида самым различным образом. Социальная свобода возникает в случае, если с помощью политического текста создаются условия для самореализации индивида, и, в то же время, ограничиваются антиобщественные действия. В одном случае свобода ограничивается до такой степени, что индивид совершенно не может применить себя, что приводит к возникновению конфликтов в обществе. В другом, наоборот, регулирование может быть явно недостаточным и непродуктивным, в результате возникают предпосылки для различных появлений социальной анархии, являющейся причиной распространения таких феноменов общественной жизни как коррупция, низкий уровень жизни, преступность и проч.

При рассмотрении социативного [4, с. 11] проявления свободы слова не следует оставлять вне внимания и то, что ее наличие включает в себя возможность для индивида участвовать в деятельности некоторого политического сообщества. В зависимости от своих политических взглядов и этической позиции индивид выбирает такую партию, союз, общественное движение, которые в наибольшей мере им отвечают. Социативное проявление свободы слова предполагает также возможность отстаивать определенную социальную идею. Однако содержание данной идеи не должно противоречить общечеловеческим ценностям, так как в противном случае свобода превращается в произвол. Поэтому наличие в обществе свободы слова одновременно может включать в себя ограничение свободы для тех индивидов, которые отстаивают заблуждение: например, необходимость политического насилия как нормы социального существования. Итак, индивид, безусловно, должен обладать свободой проповедования социальных идей, но при условии, если они не противоречат принципам гуманизма.

Воплощение той или иной социальной идеи в политической практике может оказать не только позитивное, но и негативное воздействие. Ее использование может привести к возникновению социальных катаклизмов, которые отрицательно сказываются на жизненном уровне, политической ситуации и проч. Поэтому прежде чем использоваться в политической практике, идея должна быть подвергнута социальной верификации, что возможно, опять же, только в условиях свободы слова. Принятие некоторой социальной идеи в качестве абсолютной составляет угрозу для общества.

Несомненно, что отдельные аспекты свободы слова обуславливают друг друга: экспликативная фактически предполагает участие индивида в политической жизни. В то же время возникает вопрос: что соб-

ственно получает свободу для реализации, не будет ли она причиной действий, противоречащих общечеловеческим нормам существования? Критерием для ответа может быть отношение высказывания к истине. Следовательно, экспликативную и регулятивную трактовки можно обозначить как исходные, поскольку в них отсутствует уточнение критериев, и только в социативной они получают свое определение.

Следует отметить, что свобода слова возможна только в демократических (гражданских) обществах. Э. Геллнер считает гражданским такое общество, в котором институциональный и идеологический плюрализм, препятствующий установлению монополии власти к истине и уравнивающий центральные институты [1]. Назначение использования политического текста состоит в том, что он является инструментом политического плюрализма.

Преимущество демократии состоит в том, что она имплицитно включает в себя объективные предпосылки для предупреждения негативных социальных явлений. Социальная редукция [2] в демократическом обществе непосредственно включается в механизм функционирования институтов власти. Поэтому любое действие представителей институтов власти, противоречащее общественным интересам, предполагает автоматическое применения по отношению к ним таких санкций как отставка, снятие с должности, расформирование кабинета правительства, лишение депутатских полномочий и проч.

Необходимость социальной редукции обусловлена тем, что всякое общество должно обладать механизмами изживания факторов сдерживающих его развитие, если же такого механизма нет, то темпы развития снижаются, возникают регрессивные явления. Продуктивное использование текста в социальной редукции возможно при условии, что социальное сознание имеет критицистский модус. Отсюда следует, что провозглашение демократии как формы государственного устройства не является достаточным. Демократическим обществом можно считать только такое, в котором любое действие, противоречащее национальным интересам, вызывает социальную редукцию, которая может предполагать запрет на участие занимать руководящие должности и другие санкции.

Редукция предполагает фокусирование социального внимания на негативных действиях представителей институтов власти, в том числе коррупции, злоупотреблений властью. Проявлением редукции будет их осуждение в средствах массовой информации. Действенность редукции проявляется в том, что с помощью текста происходит осуждение негативных социальных явлений, которое включает в себя оценку негативных социальных явлений, а, возможно, и описание акции, позволяющих их ликвидировать, тем самым побуждает представителей институтов власти к принятию решений, наиболее оптимальных в конкретной ситуации.

Рассмотрим отдельные аспекты осуществления социальной редукции. Следует напомнить, что воздействие институтивного текста становится возможным только тогда, когда он выполнен, а институты власти в состоянии действовать достаточно эффективно. Поэтому для того, чтобы понять механизм осуществления социальной редукции, необходимо обратиться к своеобразию осуществления властных отношений. Поскольку политическое подчинение возможно при наличии доверия к представителям власти, создание положительного имиджа является условием осуществления властных отношений.

Как правило, имидж политика формируется при помощи акафистического текста, например, статьи в газете, плаката, листовки. Их назначение состоит в том, чтобы сформировать образ вождя, вызывающий социальное доверие. Воздействие акафистических текстов может быть прямым или опосредованным: в первом случае они содержат открытые призывы голосовать именно за данного лидера, во втором его воздействие основано на способности индивидов к социальному выбору. Другое их назначение состоит в выявлении препятствий для проявления социальной инициативы, что выражается в критике действий представителей институтов власти или их последствий, существующих нормативов, а также определении мероприятий по улучшению положения дел.

Особую роль занимают экспозитивные тексты, при условии, если они используются представителями общественности. К ним следует отнести обращения к депутатам, запрос депутата, письма в парламент, президенту, членам правительства и проч. Иллокутивная сила таких экспозитивных текстов состоит в выражении чувства протеста, негативной оценки законов, инструкций, действий должностных лиц и проч.

Поскольку основной целью использования текста как средства социальной редукции будет разрушение позитивного образа, определим их как деструктивные. В свою очередь среди них будем различать реалистические, то есть такие, которые основаны на реальных фактах, и компроматы, связанные с использованием неподтвержденной информации. Следует отметить, что зачастую персуазивность невозможно проверить, то есть определить, является ли некоторый текст достоверным или компроматом. Проверка на персуазивность осложняется тем, что для создания компромата могут использоваться факты, которые действительно имели место.

Для разрушения имиджа часто используются акафистические тексты, принадлежащие к художественному дискурсу. Это объясняется тем, что именно в данном дискурсе реальность и вымысел образуют единое целое. Привлечение текстов художественного дискурса целесообразно и по той причине, что они в принципе не могут подвергаться проверке на персуазивность. Перлокутивный эффект в данном случае достигается не через достоверность текста, а с помощью формирования требуемого эстетического и морального переживания.

Выбор конкретной формы художественного дискурса зависит от его социальной актуальности. Например, в художественном дискурсе современности большую роль играет мультипликация, возникновение которой обусловлено развитием телекоммуникаций. Коммуникативное поле распространения мультипликации достаточно значительно, поскольку она обладает простым языком, а сюжеты отличаются увлекательностью.

При обсуждении проблемы социальной редукции также следует определить своеобразие коммуникативного резонанса, которым она вызывается. Для его возникновения необходимо использовать только такую информацию, персуазивность которой не может вызвать сомнения. Свое внешнее выражение социальная редукция получает в коммуникативном резонансе, проявляющееся как совпадение мнения боль-

шинства представителей конкретного политического сообщества. Коммуникативный резонанс возникает как следствие социального возмущения и приводит к возникновению редукции. Отметим, что последовательность социальных феноменов «социальное возмущение – коммуникативный резонанс редукция» связана с осуществлением свободы слова в демократических обществах.

Свободу слова следует отличать от вседозволенности, которая свое идеологическое обоснование получила в философии анархизма. Признаком вседозволенности является отсутствие в социальном сознании приоритета национальных интересов. Такое общество не защищено от деструктивных коммуникативных воздействий. В результате оно управляется извне, что выражается в отсутствии самостоятельной политики. Следует отметить, что коммуникативная зависимость является следствием экономической и политической зависимости.

Негативная коммуникативная интервенция осуществляется посредством институирования текстов, продуцирующих неблагоприятные условия социального существования. Выделим следующие предпосылки Ч негативной коммуникативной интервенции:

- отправитель и получатель являются политическими союзниками, отношения которых строятся в атмосфере взаимного доверия;
- получатель находится в экономической и политической зависимости от отправителя, что выражается в том, что отправитель может
- контролировать принятие политических решений;
- в коммуникативной среде получателя сформировался
- положительный имидж получателя, поэтому любые его действия рассматриваются только как позитивные;
- в обществе недостаточно развиты оппозиционные силы, чтобы выступать в роли противовеса господствующей политической силы;
- отправитель имеет в своем распоряжении средства коммуникативного воздействия, использование которых позволяет формировать общественное мнение.

Следует иметь в виду, что позитивная коммуникативная интервенция фактически в своей содержательной основе совпадает с социальными возмущениями, которые получили распространение в данном обществе, негативная же интервенция, наоборот, существенно им противоречит. Цель такой коммуникативной интервенции состоит в том, чтобы оказать деструктивное (деструкция [лат.] destructio - нарушение нормальной структуры чего-либо) воздействие. В этом случае вызываемое социальное возмущение не обусловлено реальными социальными потребностями, а является средством внешнеполитического воздействия.

Возможность осуществления деструктивной коммуникативной интервенции обусловлена открытостью коммуникативного пространства. Отсюда общество, которое ориентируется на демократические приоритеты, должно выработать механизмы защиты от внешних воздействий. В качестве непреодолимого препятствия для деструктивной коммуникативной интервенции может выступать ориентация на национальные интересы.

В условиях коммуникативной, зависимости принятие решений в сфере управления общества полностью контролируется господствующей политической силой, которая не принадлежит данному обществу. При этом управленческие решения, которые принимаются под сильным коммуникативным воздействием, рассчитаны изначально на разрушение социальной и экономической стабильности. В данном случае социальные возмущения, вызванные неблагоприятными условиями существования, фактически подменяются социальными возмущениями, вызванными коммуникативной интервенцией, и тем самым вытесняются. В результате данное общество лишается возможности корректировать свое развитие в различных сферах социального опыта.

Деструктивная коммуникативная интервенция связана с решением двух основных задач. Первая - это институирование неблагоприятных условий существования. В этом случае коммуникативная интервенция направлена на формирование мнения представителей институтов власти и имеет своей целью принуждение к принятию нормативов, оказывающих разрушительное воздействие. Она включает в себя оказание коммуникативной поддержки таким политическим силам, которые способны оказать противодействие принятию позитивных политических решений.

Возникновение неблагоприятных условий, в свою очередь, вызывает социальные возмущения. Поэтому другая коммуникативная задача состоит в провоцировании социальных возмущений, а их следует обозначить как искусственные, которые перекрывали бы по своей активности социальные возмущения, вызванные реальным положением дел. Тогда назначение коммуникативной интервенции состоит в создании такой политической обстановки, которая фактически не позволяет принимать позитивные социальные решения.

Изучение использования политического текста как средства политической свободы позволяет сделать следующие выводы:

1. Посредством использования политического текста индивид приобретает возможность осуществления намерений и, тем самым, самореализации в социальном аспекте. Свободу слова можно трактовать как свободу: а) экспликации, в этом случае индивид получает возможность выражать свои намерения, б) регуляции, когда индивид имеет возможность оказывать влияние на принятие решений институтами власти и в) консолидации, тогда индивид посредством текста получает возможность использовать идеи, а также принимать участие в деятельности политических сообществ.
2. При наличии свободы слова воздействие политического текста является средством социальной редукции: во-первых, он становится средством критики любого негативного социального явления, проверки намерения на достоверность и выполнимость; во-вторых, выявления негативных поступков и действий отдельных индивидов и определенных политических сил; в-третьих, редукция - это средство при-

нуждения принятия оптимальных решений. Свобода слова является одним из условий использования политического текста в качестве средства социальной редукации, то есть устранения негативных социальных явлений.

3. Поскольку свобода сдерживает проявления субъективизма, она может ограничиваться, как со стороны отдельных политических сил, так и институтов власти. Следует иметь в виду, что свобода слова предполагает ответственность за достоверность информации.

Источники и литература

1. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М: Md Marginem, 1995. – 222 с.,
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Язык и интеллект: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1995. – С. 14–94.
3. Кэмпбелл Дж. Свобода и сообщество // Вопросы философии. – 1992. – №12. – С. 112–126.
4. Лукашенич А.А., Михневич А.Е., Щербин В.К. Общество. Язык. Политика. – Минск.: Высш. шк., 1988. – 223 с.

Джемилева А.А.

СПЕЦИФИКА ЖАНРА И ФУНКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ В РАССКАЗЕ (на материале рассказов Т. Халилова «Запах базилика» и «Белые журавли»)

«Рассказ – произведение, которое читается в зависимости от его длины, от десяти минут до часа и имеет дело с единственным, хорошо определённым предметом, случаем, или цепью случаев, представляющих собой нечто цельное. Рассказ должен быть написан так, чтобы невозможно было ничего ни добавить, ни убавить».

/ С. Моэм./

Актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе развития литературного процесса заметна неразработанность проблем тюркского литературоведения и, в частности, изучение специфики жанра новеллистики, предполагающей исследование поэтики рассказа.

Надо заметить, что теоретический аспект проблем поэтики новеллистического жанра давно поставлен в мировом литературоведении. Многие исследователи пытались определить специфические особенности рассказа. Наличие ряда фундаментальных монографических работ, посвящённых рассказу, даёт основание полагать о некоторых разработках в этой области. Можно назвать работы А. Нинова «Современный рассказ: (Л., 1969), Т. Заморий «Современный русский рассказ» (К, 1968), Э. Шубина Современный русский рассказ. Вопросы поэтики жанра (Л., 1974), С. Антонова «Письма о рассказе» (М., 1964), А. Огнева «О поэтике современного русского рассказа» (Саратов, 1973); в узбекском литературоведении – исследования Н. Владимировой и Н. Султановой «Узбекский советский рассказ» (Ташкент, 1962); исследования Ф. Билецкого «Оповідання. Новела. Нарис». (К, 1966), І. О. Денисюка «Розвиток української малої прози ХІХ – поч. ХХ ст.» (Львів, 1999) в украинской литературе и др.

Целью данного исследования является выявление специфических жанровых особенностей рассказа, которые являются основополагающими в определении жанровой природы рассказа.

Обилие работ даёт основание обобщить их опыт. В статье основное внимание будет уделено теоретическим вопросам «малого жанра», а также уровню исследований в области поэтики рассказа.

Одной из центральных проблем новеллистики, в той или иной мере затрагиваемой почти во всех работах на интересующую нас тему, является проблема жанровой специфики рассказа. Прежде всего нас интересует вопрос о рассказе как о явлении внутренне целостном, вечно обновляющемся, и в то же время устойчивом.

Каковы характерные признаки, позволяющие отличить рассказ от других видов литературы? Справедливо будет отметить, что поиском ответа на этот вопрос в литературоведении занимаются уже давно. Проблема жанровой специфики рассказа ставилась и решалась в работах И. А. Виноградова, Б. М. Эйхенбаума, В. Б. Шкловского, В. Гюффеншера и др. ещё в 20-е и 30-е годы XX века.

По мысли Э. Шубина, в работе «К типологии эпических жанров» [7, с.103–139] И. К. Кузьмичев, разделяя эпическую поэзию на три жанровые группы и относя роман, рассказ и повесть к одной из них как жанры родственные, не намечает методологических перспектив дифференциации основных современных эпических жанров.

Как справедливо замечает исследователь, «продуктивными в этом отношении представляются общие теоретические соображения, которые выдвигает в своих работах исследователь литературных жанров Л. В. Чернец. Они не содержат конкретных рекомендаций, но дают определённую методологическую ориентировку. Опираясь на работы Гегеля и А. Н. Веселовского, автор призывает разграничить понятия жанровой формы и жанрового содержания и сосредоточить на последнем исследовательскую мысль» [17, с. 224]. «И у Гегеля, и у А. Н. Веселовского, – пишет Чернец, – различие жанров по содержанию – не дополнение к различиям родов, не дальнейшее разветвление родов на виды, подвиды и пр., но качественно иное, как бы перекрестное деление. Схвачено специфически жанровое свойство, особое содержание жанра. Жанрообразующим признаком выступает тип соотношения героя и общества в произведении» [15, с.36 – 37]. В другой статье, развивая свою мысль, Л. В. Чернец пишет: «Жанровое содержание изучается в своих социально-исторических предпосылках. Типологическая суть содержания жанра оставалась бы метафизическим заклинанием, если бы не «выводилась» из истории. Поэтому необходимой задачей является уста-